Время мифическое время мифическое, в мифологии «начальное», «раннее», «первое» время, «правремя» (нем. Ur-Zeit), предшествующее эмпирическому (историческому) «профанному» времени.

Во В. м. первопредками (тотемными, племенными) демиургами культурными героями были созданы нынешнее состояние мира рельеф, небесные светила, животные и растения; образцы (парадигмы) и санкции социального поведения хозяйственного, религиозно-ритуального и т. д. В. м. это время первопредметов, перводействий и первотворения, оно отражено прежде всего в мифах творения космогонических, антропогонических, этиологических.

В дихотомии «начальное сакральное время/эмпирическое время» именно В. м. представляется сферой первопричин последующих действительных эмпирических событий. В силу некоторых особенностей мифологического мышления (сведение причинно-следственного процесса к материальной метаморфозе в рамках индивидуального события, сущности вещи к её происхождению) объяснение устройства вещи тождественно рассказу о том, как она делалась, равно как описание окружающего эмпирического мира то же самое, что изложение истории его первотворения.

Таким образом, мифические прасобытия оказываются «кирпичиками» мифической модели мира.Изменения, происходившие в историческое профанное время (формирование социальных отношений и институтов, эволюция в развитии техники, культуры), проецируются во В. м., сводятся к совершённым в нём однократным актам творения. Но В. м. является универсальным первоисточником не только причин, архетипических (см. Архетипы) первообразов, образцов, но и магических духовных сил, которые, будучи активизированы ритуалами, инсценирующими события мифической эпохи и часто включающими рецитацию мифов творения, продолжают поддерживать установленный порядок в природе и обществе.

События эпохи первотворения, которые многократно воспроизводятся в обрядах, как бы повторяются в сакрализованное время праздника (особенно календарного). Однако это не означает, что мифическое прошлое вневременно, оно остаётся «прошлым», магическая эманация которого доходит до живых носителей мифа через ритуалы и сны.

Классический пример В. м. «время сновидений» (англ. the Dream Time, the Dreaming) в мифологии австралийских аборигенов. Этот общепринятый термин восходит к «алтьира» («альчера») центральноавстралийского племени аранда, у которых, по мнению немецкого этнографа К. Штрелова, он означает не столько сновидения, сколько мифических предков, «вечных людей», во В. м. странствовавших по земле.

Эти тотемные предки, в отличие от богов развитых мифологий, хотя и могут в каком-то смысле «оживать» в обрядах и снах, в своих потомках и сотворённых ими объектах, мыслятся всё же как существа, жившие и действовавшие во В. м., а не как духи, ныне управляющие миром. Такими же мифическими предками являются «дема» у маринд-аним и другие аналогичные мифические герои папуасских племён, культурный герой Ворон и его семейство у северовосточных палеоазиатов и северо-западных индейцев; чукчи рассматривают миф как «весть эпохи начала творения».

Американский учёный Ф. Боас считал отнесение действия к начальным временам основной чертой мифа как жанра у североамериканских индейцев. Современный шведский этнолог Оке Хульткранц видит в обращённости В. м. в прошлое основной признак всякой мифологии, отличающий её от религии, где главный акцент делается на переживание настоящего в его связи с будущим.Категория В. м. характерна для архаических мифологий, но трансформированные представления об особой начальной эпохе встречаются и в высших мифологиях.

В них характеристика В. м. может конкретизироваться как «золотой век» или, наоборот, эпоха хаоса, подлежащая упорядочению силами космоса. Мифологические начальные времена остаются фоном в архаической эпике («Калевала», «Эдда», адыгская и абхазская версии нартских сказаний, якутские и бурятские богатырские поэмы).

По той же модели воссоздаётся образ исторического героического прошлого в классических формах эпоса как эпоха Карла Великого, Владимира Святославича, короля Артура, китайских имераторов Яо и Шуня, царство четырёх ойратов и т. д. (см. Эпос и мифы).Мифическая модель времени как дихотомия «начальное время/эмпирическое время» имеет линейный характер, но эта модель постепенно дополняется другой, перерастает в другую циклическую модель времени (см. Цикличность). Этому способствует ритуальное повторение событий В. м., а также календарные обряды и развитие представлений об умирающих и воскресающих богах и героях, о вечном обновлении природы, полезных злаков и т. д. (примитивные календарные обряды известны северным австралийцам, папуасам и т. д., но полное развитие они получают в земледельческих цивилизациях Средиземноморья,

Месамерики и т. д.).

Циклическая модель времени порождает и специальные мифы о циклической смене целой цепи мировых эпох: индийские «махаюги» (см. Юга) смена «ночи Брахмы» и «дня Брахмы»; гесиодовская смена пяти «веков» с перспективой возвращения золотого века; цикл эпох, каждая из которых кончается мировой катастрофой в доколумбовых мифологиях Америки и т. п. В развитых мифологиях, представляющих вселенную как арену непрекращающейся борьбы хаоса и космоса, наряду с образом начального В. м. возникает образ конечных времён гибели мира, подлежащего или не подлежащего затем циклическому обновлению (см. Эсхатологические мифы).

Литература :
Stanner W. E. H., The dreaming, в кн.: Lessa W. A., Vogt E. Z. (ed.), Reader in comparative religion, 3 ed., N. Y., 1972;
Lienhardt G., Divinity and experience, Oxf., 1961;
Strehlow T. C. H., Aranda tradition, Melb., 1947;
Hultkranz A., Les religions des indiens primitifs de l Amérique, Uppsala, 1963;
Baumann H., Schöpfung und Urzeit des Menschen im Mythus der afrikanischen Völker, B., 1936;
Jensen A. E., Mythos und Kult bei Naturvölkern, 2 Aufl., Wiesbaden, 1960;
Rohan-Csermak G. de, Ethnohistoire et ethnologic historique, «Ethnologia europaea», 1967, v. 1, № 2.Е. М. Мелетинский.